

О. Б. ЛЕОНТЬЕВА

СООБЩЕСТВО РУССКИХ ИСТОРИКОВ В ПРАГЕ В РАКУРСЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ НАУКИ

Рецензия на книгу М.В. Ковалева «Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.)» (Саратов: СГТУ, 2012), в которой представлена повседневная жизнь сообщества ученых-эмигрантов «первой волны», формы их научных коммуникаций, коллективные и индивидуальные представления, особенности социально-психологической адаптации в новой среде, «мемориальные практики».

Ключевые слова: *Русское Зарубежье, историки-эмигранты, «научный быт».*

Изучение истории и культурного наследия русской эмиграции «первой волны» имеет в России не столь уж давнюю научную традицию. По сути дела, условия для глубокого изучения культуры Русского Зарубежья сложились лишь на рубеже 1980–1990-х гг.: с архивных документов и зарубежных трудов по этой проблематике был снят гриф секретности, открылась возможность доступа не только в отечественные, но и в иностранные архивы, установления более широких научных связей с ученым сообществом других стран. Тема «России за рубежом» оказалась в те годы на гребне общественного интереса: массовыми тиражами издавалась мемуарная и беллетристическая, а затем – и научная литература русской эмиграции, возвращались к читателю забытые или неизвестные имена. Именно тогда, на излете советского периода отечественной истории, впервые возникла возможность «связать порванную нить родства» – воссоединить два потока русской культуры, разошедшихся в разные стороны после 1917 года.

Вслед за «публицистическим бумом» конца 1980-х гг. пришло время серьезного и основательного научного освоения темы: не только изучения истории эмиграции «первой волны», но и интеграции наследия русских эмигрантов в современную отечественную культуру. Исторический и культурологический ракурс рассмотрения темы был задан публикацией на русском языке знаменитого исследования М.И. Раева «Россия за рубежом»¹: здесь предметом изучения стала не только «событийная» история Русского Зарубежья, культурные и общественные инициативы эмигрантов, но и проблемы их самосознания, рефлексии, представлений о собственной культурной миссии.

---

¹ Раев. 1994.

Закономерно, что особый интерес у современных историков вызывают именно судьбы российских ученых, оказавшихся в вынужденном изгнании. К настоящему времени в этой области сложились разные направления исследований; среди них – изучение вклада российских ученых-эмигрантов в развитие исторической науки (здесь следует вспомнить уже ставшие классикой современной историографии работы М.Г. Вандалковской и В.Т. Пашуто); проблемы социальной адаптации ученых-эмигрантов (недавно вышедшая книга В.Ю. Волошиной); исследования, посвященные «евразийскому проекту» (А.В. Антощенко и многие другие)². Поэтому для исследователя, обратившегося к этому богатейшему проблемному полю, важно выбрать свой ракурс рассмотрения темы.

Монография о русских историках-эмигрантах в Праге, написанная молодым саратовским исследователем М.В. Ковалевым³, интересна прежде всего своей мультифасеточной оптикой – стремлением объединить различные подходы к многогранной теме эмиграции «первой волны», связать различные исследовательские сюжеты в единый проблемный узел. Направление, в русле которого выполнена эта книга, самим автором обозначено как социальная история науки; исследователь опирается на центральный принцип современной интеллектуальной истории, согласно которому «всякое научное произведение не должно быть изолировано от его историко-культурного контекста», а историю идей надо рассматривать «на фоне специфических условий интеллектуальной деятельности» (С. 25).

Ключевое понятие исследования, позволяющее удачно соединить историю идей и историю повседневности – «научный быт». Под ним автор понимает «повседневную, бытийственную реальность, в пространстве которой протекает исследовательская работа и происходит создание научного знания, а также организуется жизнь самих ученых» (С. 8). Само понятие (как и родственное ему, но более специфичное – «историографический быт») пришло в научный язык историков в середине 1990-х гг. благодаря междисциплинарным связям с литературоведением; оно стало аналогом теоретического конструкта «литературный быт», предложенного в 1920-е гг. Ю.Н. Тыняновым и Б.М. Эйхенбаумом⁴. Появление этих понятий в исследовательском арсенале гуманитарных наук стало признаком поворота к изучению социокультурного контекста интеллектуальной жизни, поведенческих и коммуникативных практик, внешних и внутрен-

² Пашуто. 1992; Вандалковская. 1997; Антощенко. 2010; Волошина. 2010.

³ Ссылки на книгу даются в тексте в круглых скобках.

⁴ Александров. 1994; Корзун. 1998; Алеврас. 2010; 2012.

них регуляторов творческого процесса – ради более глубокого понимания природы литературного и научного творчества.

Связь между литературоведением и историографией прослеживается и в анализируемой работе: М.В. Ковалев признает, сколь глубокое воздействие на него оказал труд О.Р. Демидовой «Метаморфозы в изгнании: литературный быт русского зарубежья»⁵. Хотя два автора совершенно по-разному структурируют свое повествование о быте творческой интеллигенции в изгнании, схож исходный посыл их работ: стремление критически взглянуть на мифологемы, сложившиеся в российской науке вокруг эмигрантской темы (и частично созданные самими эмигрантами), избавиться от упрощенного понимания феномена Русского Зарубежья как «подвига во имя русской культуры» и вынести на первый план исследования не только бытовые, но и бытийственные аспекты «жизни внутри свершившейся катастрофы».

Всем этим и обусловлен интерес исследователя к изучению уклада повседневной жизни ученых-эмигрантов, форм их научных коммуникаций, особенностей социально-психологической адаптации в новой среде: обращаясь к этим проблемам, автор стремится преодолеть «разрыв между конкретно-историческими исследованиями жизни эмигрантского научного сообщества и историографическим осмыслением его наследия» (С. 21-22).

Своеобразие выбранного автором предмета исследования определяется тем, что русские историки-эмигранты в Праге не были просто «товарищами по несчастью», случайно сошедшимися вместе на дорогах изгнания. Как известно, правительство Чехословакии во главе с президентом (и видным ученым-русистом) Т. Масариком в начале 1920-х гг. инициировало знаменитую «Русскую акцию», целью которой была адресная помощь русским эмигрантам – в том числе, среди приоритетных групп, представителям интеллигенции. Результатом стало «возникновение в чешской столице развитой сети эмигрантских учебных, научно-исследовательских и культурных организаций»; как отмечает автор, Прага приобрела статус «интеллектуальной столицы Зарубежной России», «русского Оксфорда» (С. 10, 41). Русское эмигрантское сообщество в Праге не было столь колоритным, как в Париже или Харбине (здесь не было, например, бывших русских офицеров, которые подались в таксисты), но оказалось более социально обеспеченным и менее политически ангажированным. Именно Прага в период между двумя мировыми войнами стала ведущим центром российской исторической науки в изгна-

---

⁵ Демидова. 2002.

нии: в чешской столице жило и работало несколько десятков русских историков разных поколений, представителей различных исторических школ. Точное их число, как признает автор, по ряду причин определить затруднительно (С. 46, 51, 327), но среди них были такие крупные научные деятели, как Г.В. Вернадский, А.А. Кизеветтер, Н.П. Кондаков, С.Г. Пушкарев, П.Н. Савицкий, П.Б. Струве, Г.В. и А.В. Флоровские, В.А. Францев, М.В. Шахматов, Е.Ф. Шмурло и др. Это было компактное и достаточно тесное сообщество, обладавшее своеобразным обликом, активно продуцировавшее разнообразные культурные инициативы и пронизанное многочисленными персональными и деловыми связями.

Для воссоздания научного быта пражского сообщества русских историков автор использует широкий и разнообразный круг источников. Прежде всего, источниковую базу работы составили уникальные материалы Русского заграничного исторического архива в Праге, вывезенные после Второй мировой войны в СССР и в настоящее время частью хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации, частью – рассредоточенные по другим ведущим архивам и библиотекам нашей страны. (История создания этого архива и формирования его коллекций представляет собой отдельный сюжет рассматриваемой монографии). Кроме того, М.В. Ковалев активно использовал материалы по истории русской эмиграции, хранящиеся в чешских архивах (по авторской оценке, «колоссальные»), многие из которых впервые введены им в научный оборот. Анализ богатейших пластов документов личного происхождения, делопроизводственной документации официальных учреждений и общественных организаций, периодической печати русской эмиграции, и, конечно, научных и научно-популярных работ ученых Русского Зарубежья (а также неопубликованных трудов, выписок, исследовательских материалов из их личных фондов) позволил осветить самые разные сферы жизни и быта ученого сообщества историков-эмигрантов.

В рецензируемой монографии можно выделить несколько взаимосвязанных проблемных пластов. Первый из них – история повседневной жизни русских ученых в чешском культурном окружении. Какими путями историки-эмигранты попадали в Чехословакию? Как они обустроивались на новом месте? Как функционировала система социального обеспечения в рамках «Русской акции»? Хватало ли пособий, получаемых от чешского правительства, чтобы не просто «сводить концы с концами», но вести интенсивную научную работу? Наконец, можно ли говорить о сколько-нибудь успешной интеграции русских ученых в чешскую научную среду, или же в большинстве своем русские историки пребывали в культурной изоляции? Все эти проблемы становятся

предметом подробного рассмотрения на страницах монографии: тут и попытка определить уровень благосостояния разных групп ученых-эмигрантов, и психологические аспекты их адаптации к новой среде (в частности, «лингвистическая травма» изгнанников, оказавшихся в чужой стране, как герой известного рассказа В.Г. Короленко, «без языка»), и подробная реконструкция системы деловых и научных русско-чешских контактов, сложившихся в межвоенной Праге.

Второй проблемный пласт связан с историей «организации и институционализации научного быта»: создания русскими учеными в Праге научно-исследовательских, образовательных и культурных институтов, попыток возродить в эмиграции систему подготовки научных кадров и создать инфраструктуру, необходимую для научной работы. Перед читателями проходит галерея эмигрантских организаций, каждая из которых создавалась буквально «с чистого листа»: Русская академическая группа, занимавшаяся присуждением ученых степеней и званий; Семинарий (впоследствии – Археологический институт) имени академика Н.П. Кондакова; Русское историческое общество в Праге – профессиональная организация русских историков-эмигрантов, практиковавшая коллективные исследовательские проекты; Русский институт в Праге, занимавшийся научно-исследовательской и культурно-просветительской работой, и конкурировавший с ним Русский научный институт сельской культуры; уже упоминавшийся Русский заграничный исторический архив, а также многочисленные неформальные интеллектуальные объединения – например, домашние семинары (у Н.П. Кондакова, П.Б. Струве, А.В. Флоровского, в семье Вернадских), которые были укоренены в традициях российской дореволюционной университетской культуры, а чешским коллегам представлялись чем-то странным и непривычным. Удивительно, сколь разнообразной и насыщенной была научная жизнь каждой из этих организаций, – и насколько был тесен круг создавших их и сотрудничавших в них ученых: зачастую это были одни и те же фигуры. Важно отметить, что М.В. Ковалев не стремится идеализировать эмигрантское научное сообщество: воссоздавая сеть организационных и личных отношений внутри него, он обращается к истории не только сотрудничества и взаимопомощи, но также конкуренции и конфликтов (межинститутских, межгрупповых, межличностных), которые не всегда разрешались достойными средствами.

Судьба эмигрантских научных, образовательных и культурных учреждений прослежена в работе вплоть до конца Второй мировой войны – здесь автор осознанно перешагивает хронологические границы своего исследования. В работе освещена хроника мучительной борьбы эмиг-

рантских организаций за выживание в 1930-е гг., когда чешское правительство постепенно «свернуло» Русскую акцию (причиной тому были не только Великая депрессия и кризисное состояние экономики, но и сознательный выбор правительства Чехословакии в пользу налаживания отношений с СССР, что шло вразрез с политикой поддержки эмиграции); тягостного и рискованного существования русских научных и просветительских учреждений в условиях немецкой оккупации; наконец, последних испытаний, ожидавших уцелевшие эмигрантские организации после 1945 г.: недолгий период надежд на плодотворное сотрудничество с советскими коллегами сменился политическими репрессиями, вывозом в СССР ценных архивных и музейных собраний и вынужденной самоликвидацией последних эмигрантских научных сообществ.

При этом М.В. Ковалев не становится заложником позитивистского подхода: выбранная им исследовательская стратегия позволяет не только воссоздать событийную канву жизни русских историков-эмигрантов, но и реконструировать их «коллективные и индивидуальные представления об окружающем мире» (С. 26). Третий смысловой пласт исследования составляют проблемы исторической памяти как способа формирования коллективной идентичности русских ученых-эмигрантов; этот раздел работы написан в русле «мемориального поворота», на базе идей и подходов М. Хальбвакса, П. Нора, Я. Ассманна, Б. Андерсона.

Методы реконструкции мира исторической памяти русских ученых-эмигрантов, выбранные М.В. Ковалевым, состоят в следующем: автор анализирует «места памяти» эмигрантского ученого сообщества – разнообразные исторические праздники, юбилеи и памятные даты; воссоздает образы различных эпох отечественной истории (Киевской Руси, Московского царства, Петербургской империи) в восприятии эмигрантов; наконец, рассматривает «конфликты памяти» – ситуации, когда одни и те же события или фигуры исторического прошлого в восприятии разных групп историков-эмигрантов приобретали разное смысловое и ценностное наполнение. Эти методы достаточно типичны для исследований по «мемориальной проблематике»; но в данном случае особенность авторского подхода состоит в том, что предметом рассмотрения становится историческое сознание не просто какой-либо социальной группы, а именно историков-профессионалов. М.В. Ковалев подчеркивает, что анализирует научное наследие историков-эмигрантов не с точки зрения их вклада в науку, а с точки зрения того, на создание и поддержание каких идеологем и исторических мифов были нацелены данные труды. Как показывает автор, отличительной чертой эмигрантской исторической науки была ее идеологизация, сознательная направ-

ленность на формирование у российских изгнанников определенной коллективной идентичности; в этом отношении она, как ни странно на первый взгляд, была похожа на своего антипода, советскую историческую науку. «Евразийский вызов» в монографии М.В. Ковалева также исследуется скорее как идеологический, чем как научный проект: анализируя причины, по которым исторические построения евразийцев не нашли поддержки у большей части эмигрантского научного сообщества, автор приходит к выводу, что подспудной причиной научного и идейного столкновения стал конфликт идентичностей. В то время как большинство ученых-эмигрантов выстраивали свою идентичность вокруг идеи сохранения «кода дореволюционной культуры» (в том числе традиций позитивистской науки XIX в.) вплоть до возможного возвращения на Родину, евразийцы предлагали не просто альтернативное видение русской истории, но коренной пересмотр самой идентичности русской интеллигенции, ее базовых ценностей (С. 254, 257).

Важно, что М.В. Ковалев затрагивает в своем исследовании не только «места памяти», но и «места забвения» в историческом сознании русской эмиграции: как он показывает, историки-эмигранты в своих исследованиях, в личных воспоминаниях и в актах публичной коммеморации избегали затрагивать сюжеты, связанные с историей революции 1917 г. и Гражданской войны. С точки зрения автора, это объяснялось не только психологическим нежеланием «беречь незакрывшиеся раны», но и опасением, что обращение к таким темам разрушит устоявшуюся научно-позитивистскую картину мира: события революции и Гражданской войны невозможно было рационально объяснить в привычных категориях дореволюционной либеральной историографии (С. 323–324, 328).

Таким образом, три смысловых пласта исследования (адаптация ученых-эмигрантов в чужой стране, организация научного быта, формирование и сохранение исторической памяти) оказываются тесно взаимосвязанными и слагаются в единую сверхзадачу книги. Все те научные, бытовые, организационные, морально-этические задачи, которые приходилось решать российским ученым в изгнании, в конечном счете способствовали сохранению их индивидуальной и коллективной идентичности; разнообразные научные и общественные инициативы русских историков-эмигрантов в Праге были для них способами не просто «выжить в катастрофе», но выжить, сохранив чувство собственного достоинства и веру в социальную востребованность своего труда.

Следует отметить, что монография М.В. Ковалева читается легко и с большим интересом. Текст насыщен яркими конкретно-историческими деталями, в нем немало интересных поворотов и наблюдений, которые

могли бы стать сюжетом для самостоятельных микроисторических исследований. Таковы, например, зарисовки быта «Профессорского дома», построенного на окраине Праги «Чешско-русским профессорским строительным и квартирным товариществом» и ставшего для русских ученых местом не только проживания, но и преподавания, чтения публичных лекций, научного общения (С. 77–80); выразительные бытовые штрихи – например, мебель в профессорских квартирах, изготовленная из старых ящиков (С. 83). Без сомнения, каждому читателю запомнится трагикомическая история о том, как безвременно скончавшийся ручной заяц стал причиной выяснения отношений между историками А.В. Флоровским и Е.Ф. Максимовичем и, в конечном итоге, поводом для «грандиозного конфликта в среде пражских историков» и раскола Русского исторического общества в Праге (С. 167–172). О степени утопичности эмигрантских образовательных проектов и о реальных возможностях трудоустройства эмигрантской молодежи позволяет наглядно судить тот факт, что один из выпусков Русского Юридического факультета в Праге организовал для своих студентов краткосрочные малярные курсы (С. 190), – такие детали порой гораздо выразительнее, чем подробные социологические выкладки. Словом, фактическая точность исторического исследования сочетается в этой работе с умением автора подмечать в тексте источника наиболее интересные и яркие штрихи прошлого.

В заключение хотелось бы отметить, что монография М.В. Ковалева о русских историках-эмигрантах будет полезна читателю не только в плане обогащения наших знаний о судьбах, идеях и культурных инициативах эмиграции «первой волны». В методологическом аспекте эта книга представляет собой перспективный опыт комплексного изучения истории локального научного сообщества, многоплановой реконструкции повседневного измерения научной жизни. Надеюсь, что этот удачный опыт найдет свое продолжение – и в новых исследованиях М.В. Ковалева, и в трудах других историков.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алеврас Н.Н.* Историографическое знание и проблема историографического быта: смысл и происхождение научной категории // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 22. С. 79–85.
- Алеврас Н.Н.* Что такое «историографический быт»: из опыта разработки и внедрения историографической дефиниции // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы / Отв. ред. Л.П. Репина. М.: УРСС, 2010. С. 516–534.
- Александров Д.А.* Историческая антропология науки в России // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 4. С. 3–22.
- Антощенко А.В.* «Евразия» или «Святая Русь»? (Российские эмигранты в поисках самосознания на путях истории). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2010. 344 с.

- Вандалковская М.Г.* Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М.: Памятники исторической мысли, 1997. 350 с.
- Волошина В.Ю.* Ученый в эмиграции: проблемы социальной адаптации ученых-эмигрантов сквозь призму «персональной истории». Омск: Изд-во ОмГУ, 2010. 219 с.
- Демидова О.Р.* Метаморфозы в изгнании: литературный быт русского зарубежья. СПб.: Гиперион, 2002. 296 с.
- Ковалев М.В.* Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.). Саратов: СГТУ, 2012. 408 с.
- Корзун В.П.* Научная школа в интерьере «историографического быта» (В.О. Ключевский, П.Н. Миллюков, С.Ф. Платонов, А.С. Лаппо-Данилевский) // Культура и интеллигенция России: социальная динамика, образы, мир научных сообществ (XVIII–XX вв.). Т. I. Научные сообщества в социокультурном пространстве России. Омск, 1998. С. 2–5.
- Паушто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М.: Наука, 1992. 398 с.
- Раев М.И.* Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции: 1919–1939. М.: Прогресс-Академия, 1994. 294 с.
- Леонтьева Ольга Борисовна* – доктор исторических наук, профессор кафедры Российской истории Самарского государственного университета; oleontieva@yandex.ru